

В Крыму, у Волошина

Общая газета. — 1999. — 1925 абт. — с. 14

15 лет назад в Коктебеле открылся музей поэта

СЕГОДНЯШНИЙ директор Наталья Михайловна Мирошниченко, филолог по образованию, работает здесь со дня его открытия.

— Наталья Михайловна, в 84-м, через полвека после смерти Волошина, было из чего «делать» музей?

— Безусловно. Вдова поэта, Мария Степановна, сохранила все — архив, значительная часть которого, правда, позже была передана в Пушкинский Дом, акварели, вещи... Чудо, что сохранилось само здание, стоящее в пяти метрах от берега. Ведь и революция, и гражданская война, и Вторая мировая — все прошло через Крым. Были и десанты, и артобстрелы с моря.

Обычно очень сложно собрать экспонаты для мемориальных музеев. А у нас — все настоящее. Дом проектировал сам Максимилиан Александрович, под его руководством строился, очень многое сделано его руками — конторка для Алексея Толстого, мольберты, кушетки, перила, столики... Андрей Белый говорил, что дом Максимилиана Александровича — это музей, уникальный и по тому, что там хранится, и сам по себе. Здесь гостили Алексей Толстой, Николай Гумилев, Мандельштам, Цветаева, Брюсов, Ходасевич...

— Расскажите какую-нибудь легенду, связанную с домом.

— Конечно, существуют всякие загадочные истории. И про то, как улыбается Таиах, когда лунный свет освещает ее лицо (*слепок скульптурного портрета древнеегипетской царевны, оригинал которого хранится в Каире, Волошин приобрел в 1905 году; в своих стихах поэт не раз обращается к Таиах. — Авт.*). И про половицы, которые показывают время: ровно в полдень солнечный свет падает на них сквозь створки окон...

Старые дома долго хранят энергетику хозяев и тех, кто у них бывал.

— Кто сегодня приходит «к Волошину»?

— Проходного зрителя стало меньше. С одной стороны, это хорошо, с другой — отражается на доходах музея. Конечно, есть москвичи и петербуржцы, которые едут в Коктебель всегда, несмотря ни на что. Но их становится все меньше. У многих просто нет денег на дорогу.

— Кстати, билеты в музей дорогие?

— Четыре гривны, то есть один доллар. А для того, чтобы хранить как следует рукописи, книги, акварели нужна система по поддержанию необходимого уровня влажности, температуры и т.д. Стоимость такой системы — 24–25 тысяч долларов, доход музея — максимум 5. У нас деревянные террасы совершенно обветшали, еще немного — и рухнут. Морской климат съедает дерево, нужен очень качественный материал. И, соответственно, дорогой.

В прошлом году мы хоть что-то заработали, хотя отдыхающих сдуло с середины августа, с 17-го числа. В этом году в Крым вообще очень мало народа приехало...

— Сейчас в музеях остро не хватает сотрудников.

— Очень большая библиотека Волошина почти не задействована — нет библиотекаря. Нет искусствоведа. Практически не описаны акварели Волошина. А ведь в свое время геологи и виноградари считали, что они дают лучшее представление о местном ландшафте, даже о строении почв, чем фотографии. И это притом что Волошин никогда не рисовал с натуры. Он приходил домой, садился спиной к окну и писал.

Конечно, на наши зарплаты ни один нормальный человек работать не пойдет. Но дело не только в зарплатах. Сейчас искусствоведение, филология — это не престижно. Коктебель, конечно, прекрасное место, но это — поселок. И мало кто решается оставить большой город и приехать в поселок, заниматься творчеством поэта.

— Вы знаете, что делать?

1930 год. Коктебель

— Музей должен получить свой особый статус. Изначально дом был завещан Союзом писателей, который от него откредитился: мол, не было таких precedентов, чтобы музей находился на его балансе. Потом музей много раз перебрасывали из рук в руки. В прошлом году мы наконец перешли к Министерству культуры Крыма, чего добились не один год. Теперь хотим получить статус заповедника, который включал бы в первую очередь дом Волошина и дом его матери, могилу поэта, мемориальные могилы сына Анастасии Цветаевой, сыновей врача Юнге, основателя коктебельской долины. И, конечно, парк Литфонда, выращенный усилиями дачников в поселке, где сто лет назад не было ни одного дерева.

— Наталья Михайловна, грустно об этом говорить, но Волошин не стал бы жить в сегодняшнем Коктебеле, где сотни людей на набережной и громкая музыка до утра.

— Сегодня поселок, в котором 5 тысяч жителей, живет только за счет отдыхающих, зарабатывает деньги в течение двух месяцев в году. Поселковый совет вынужден сдавать землю частникам. Те строят бесчисленные магазинчики, забегаловки, шашлычные... Это все понятно, но должен же быть разумный предел! Мы послали письмо Кучме. И в прошлом году набережную очистили — снесли общепитовские сараи, к нашей большой радости. Все считали, что будет война с мафией, что нас вообще разрушат, взорвут и т.д. Не взорвали. Мы не против торговли, но пусть перед музеем продают книги, картины, украшения. Не шашлыки же здесь жарить.

— Крым, конечно, стал «не нашей» землей, но ведь Волошин от этого русским поэтом быть не перестал. Есть какая-нибудь помощь из России?

— Моральная. Сочувствие. Я пыталась достучаться. Обращалась в Литфонд. Так-то мы вроде бы дружим... Но далеко не все сейчас имеют средства. Посылала письма Лужкову. Но они, наверное, просто до него не доходят.

...Хуже всего то, что масса времени и сил тратится на бытовые трудности. Даже телефонная связь отвратительная. С транспортом постоянные проблемы и т.д. Последний директор, а их было семь, просто не выдержал такого режима работы.

— Вы не собираетесь уходить?

— Пока нет. Сейчас главное — сохранить музей.

Евгения ШЛЯПНИКОВА

Коктебель, Крым